

Р О М А Н



ХРАНИТЕЛЬНИЦА

потерянных минут

Aleksandra Niv'e

Aleksandra Niv'e

Хранительница потерянных минут

«Автор»

2026

Niv'e A.

Хранительница потерянных минут / А. Niv'e — «Автор», 2026

Лия Верн всю жизнь оценивала чужие вещи и безошибочно отличала подделку от подлинника. Получив в наследство от бабушки часовую мастерскую в городе Эверли, она обнаруживает, что в часах хранятся не механизмы, а потерянные минуты чужих жизней. Тот, кто потерял свою минуту, начинает исчезать: сначала забывает себя, потом его забывают все вокруг. Бабушка Агнес оставила письмо, молчаливого мастера Тристана Роу, который помнит всех пропавших, и договор из пяти пунктов, написанный на салфетке. Чтобы вернуть исчезнувших, Лие придётся выяснить, кто и зачем крадёт минуты, и решить, чем она готова за них заплатить.

© Niv'e A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Наследство	5
Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвёртая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Aleksandra Niv'e

Хранительница потерянных минут

Часть первая. Наследство

Пролог

В последний вечер своей жизни Агнес Верн завела тридцать шесть часов из тридцати семи, как делала это каждую неделю на протяжении сорока лет: сначала большие, стоявшие в прихожей, затем каминные с бронзовыми птицами на крышках и, наконец, маленькие настольные, которые она жалела за их беззащитный, торопливый ход. Карманные часы в витрине она не заводила уже много лет, а единственные красные, медные, не заводила никогда: они шли сами.

Туман с реки стелился по узкой улице, льнул к оконным стёклам и гасил фонари один за другим, так что к полуночи мастерская осталась единственным островком света во всём квартале. Лампа на рабочем столе горела ровно, отбрасывая на стены дрожащие золотые круги, и в этом свете тиканье казалось почти дыханием спящего дома.

Дойдя до медных часов с красным ободком, Агнес остановилась. Стрелки двигались назад, неторопливо и с каким-то странным достоинством, словно человек возвращался по собственным следам.

— Значит, пора, — произнесла она спокойно.

Она села за стол и принялась писать, взвешивая каждое слово так, как часовщик взвешивает мельчайшую шестерёнку, прежде чем вставить её в механизм. Закончив, запечатала конверт и положила сверху кусочек янтаря, внутри которого застыла золотая капля света, будто кто-то остановил закат и спрятал его от остального мира.

Над дверью звякнул колокольчик.

— Вы опоздали, мистер Роу, — сказала Агнес, не оборачиваясь.

— А вы позвали слишком рано, миссис Верн.

В дверях стоял высокий мужчина в мокром плаще, с полей шляпы которого тяжело капала вода. Лицо его хранило ту особенную усталость, что копится годами и со временем становится неотделима от черт, как цвет глаз или тень от ресниц.

— Сколько мне осталось?

— Одна минута.

— Скучно.

— Вы знали условия.

— Знала. — Она подвинула конверт к краю стола. — Это для внучки. Она приедет на этой неделе, и я прошу вас присмотреть за ней.

— Я не нянька, миссис Верн.

— Вы намного хуже, мистер Роу. Вам я верю.

Медные часы начали бить, и Агнес стала считать удары вместе с ними, как считала всю жизнь.

— Пахнет кофе, — сказала она с улыбкой. — Я всегда любила этот запах.

На двенадцатом ударе мастерская замерла, будто задержала дыхание. А на тринадцатом, которого часы не бьют никогда, кресло у стола оказалось пустым.

Тристан Роу долго смотрел на то место, где только что сидела старая женщина. Затем он бережно взял конверт, спрятал его под плащ и вышел в туман, и колокольчик над дверью звякнул ему вслед, прощаясь за всех, кто остался.

Тридцать семь часов продолжали свой ход, и каждые шли в своём времени.

Глава первая

В которой Лия приезжает в город, где её никто не ждёт

Поезд прибыл на двадцать минут раньше расписания, и Лия Верн, никогда не доверявшая случайным удачам, сочла это дурным знаком.

Впрочем, дурным знаком был весь этот день: дождь, преследовавший её от самой столицы, запах сырой шерсти и угольной гари в вагоне, горсть мелочи на дне кармана и письмо с гербом нотариальной конторы, которое она перечитала столько раз, что бумага на сгибах начала протирается.

«С прискорбием сообщаем о смерти вашей бабушки, Агнес Верн...»

Бабушку Лия не видела двадцать лет. Единственной ниточкой между ними оставались новогодние открытки, всегда одни и те же: заснеженные крыши, круглая башня и надпись острым, чуть наклонённым почерком: *«Приезжай, когда будешь готова. А.»* Готовой Лия так и не оказалась. Последняя открытка пришла в этом году с припиской, которой раньше не было: *«Приезжай. Пожалуй, пора»*. Лия сунула её в ящик стола и решила подумать. Думала девять дней, а потом пришло письмо нотариуса. Об этих девяти днях она старалась не вспоминать. Но три месяца назад её уволили с работы, и выбирать теперь было не из чего.

Лия служила оценщиком в аукционном доме «Монтрей» и слыла лучшей в своём деле, потому что обладала редким даром: подделку она ощущала почти так же безошибочно, как музыкант ощущает фальшивую ноту. Её не обманывали ни свежие краски, искусно состаренные чаем и пылью, ни печати, ни экспертные заключения, которые, как известно, покупаются не дороже пары перчаток. Настоящая вещь держится спокойно и с достоинством, поддельная суетится и слишком старается понравиться, и эту суету Лия видела так же ясно, как пятно на скатерти.

Когда директор выставил на торги картину «Лунный часовщик», назвав начальную цену в миллион, Лия взглянула на полотно всего три секунды и произнесла вслух, перед полным залом:

— Это подделка.

Зал смолк, а директор побледнел. Лия не знала, что картину по его приказу написал мазила с городской окраины, она просто сказала то, что видела, и этой правды ей не простили. В тот же день её выставили за дверь, через месяц ей пришлось отдать квартиру за долги, а старые знакомые обнаружили, что ужасно заняты: в тесном мирке антиквариата имя Лии Верн стало звучать как предостережение.

«Блестящая карьера, — подумала она, глядя в мокрое стекло. — Просто блестящая».

* * *

Поезд втянулся в Эверли, и город открылся перед ней разом, весь, словно кто-то отдернул занавес.

Он поднимался из тумана ярусами, как торт, который строил великан без чертежа: чёрные заводские трубы выпускали в небо жирный дым, красные черепичные крыши карабкались друг на друга по склонам холмов, а над серой, тяжело текущей рекой перекинулись мосты, настолько высокие, что под ними свободно проходили пароходы. Всё это тонуло в низком небе цвета олова и казалось огромным незавершённым механизмом, в котором каждая шестерёнка знает своё место.

Лия невольно подалась вперёд, прижавшись лбом к холодному стеклу. «Здесь не просят разрешения жить, — подумала она. — Здесь строят». Мысль удивила её и почему-то принесла облегчение.

Вокзал оказался величиной с собор. Под стеклянным сводом, опиравшимся на чугунные рёбра, клубился пар, гудели паровозы, перекликались носильщики, а у каждой колонны

шипели жаровни, на которых румянились каштаны, так что воздух был густым и сложным, как хорошо настоявшийся чай: уголь, горячее железо, сладковатый дым и мокрые зонты. Лия сошла на перрон, и толпа подхватила её, понесла, закружила; люди спешили мимо, не глядя по сторонам, и ей показалось, что она стала соринкой в большой реке.

— Мисс Верн?

Рядом стоял невысокий седой господин в клетчатом пальто, державший над головой чёрный зонт размером с небольшую палатку.

— Мистер Хоуп, нотариус вашей бабушки, — представился он с лёгким поклоном. — Простите, что встречаю лично, но Агнес просила об этом, а я никогда не умел ей отказывать.

Он достал из-под пальто связку тяжёлых ключей с потемневшими от времени бронзовыми головками и вложил её Лии в ладонь.

— Дом на улице Серебряного Ключа, четыре. Теперь он ваш. Будьте добры расписаться здесь, здесь и вот здесь.

Лия расписалась, и перо скрипнуло по бумаге. Хоуп спрятал документы, но уходить не спешил.

— Позвольте один совет, мисс Верн. Не пытайтесь понять всё сразу. Этот дом, как и ваша бабушка, не любит, когда на него давят.

— Я не боюсь домов, мистер Хоуп.

— Вот этого я и опасаюсь, — вздохнул он.

Он приподнял шляпу и растворился в толпе с такой быстротой, будто нотариусов в этом городе специально обучали исчезать.

* * *

Извозчик взял почти всю её мелочь, оставив в кармане несколько медяков, и тронул лошадь.

Экипаж двигался вверх, сначала вдоль реки, где под мокрыми платанами стояли рыбаки в просмоленных плащах и молча смотрели на воду, словно ждали от неё ответа. Затем он свернул в переулки, где над самой мостовой, на уровне вторых этажей, тянулись верёвки с вечно сырым бельём, из подворотен пахло капустой и дешёвым табаком, а из окон долетали обрывки скрипичной мелодии, чьей-то ругани и смеха; мальчишка-газетчик, перекрикивая шум, зазывал читателей на новость об убийстве на городской бирже. Город жил громко, не оглядываясь и ничего не стыдясь.

Чем выше поднимался экипаж, тем тише становилось вокруг. Дома выстроились ровнее, окна спрятались за плотными шторами, а воздух стал пахнуть влажным камнем и старым мхом, будто они въехали в более древний город, который прятался внутри нового, как косточка в плоде.

— Серебряного Ключа, — буркнул извозчик.

Лия вышла и огляделась.

Улица была такой узкой, что, раскинув руки, можно было почти коснуться обеих стен, а булыжник блестел под дождём, как рыба чешуя. Дома жались друг к другу плечом к плечу, словно люди в очереди за хлебом. Над одной дверью горел фонарь в виде чайки; в окне напротив выстроились розовые пирожные, похожие на маленьких кукол; из третьего дома тянуло густым, тёмным, по-настоящему крепким кофе, и вывеска над его дверью гласила: «Чёрный дрозд».

А в самом конце улицы, там, где мостовая упиралась в склон холма, стояла круглая каменная башня с острой крышей, окна которой были наглухо заколочены досками. Колокола в ней не было. Лия поняла это сразу и не смогла бы объяснить, откуда.

Дом под номером четыре оказался узким, двухэтажным, с зелёным фасадом, выцветшим до цвета старой хвои. Над дверью висела потемневшая вывеска:

ЧАСЫ ВЕРН И ДОЧЬ

Лия долго смотрела на последнее слово. Дочери давно не было. Была внучка, которая не приезжала двадцать лет. Она вставила ключ в замок, и тот провернулся сам, без малейшего сопротивления, словно только этого и ждал.

* * *

В лицо ей дохнуло воском, старым деревом и тёплым металлом, а следом за ними пришёл другой запах, горьковатый и домашний, точно кто-то совсем рядом варил кофе. Он вошёл в неё и остался, как воспоминание, которого у неё никогда не было.

И сразу же она услышала звук: тик-так, тик-так, тик-так, со всех сторон, тихий и ровный, как дождь, умеющий считать.

Лия нащарила на стене рычажок газового рожка. Жёлтый огонёк дрогнул, вспыхнул, и комната медленно проступила из полутьмы: низкий потолок, перечёркнутый тёмными балками, дубовые стены, потемневшие до цвета крепкого чая, скрипучий пол, жаловавшийся на каждый шаг, и в углу чугунная печь с изогнутой трубой, над которой висела картина с кораблём, закопчённая так, что паруса растворились в темноте.

А повсюду, на стенах, на полках, на шкафах и подоконниках, стояли и висели часы. Высокие, как башни, и круглые, как совиные глаза; с кукушками и без; с нарисованными розами на эмали и с бронзовыми нимфами на крышках. В стеклянной витрине лежали карманные, похожие на драгоценных насекомых, а на подставке в углу тикали маленькие часы без корпуса, голый механизм, где вращались шестерни и подрагивала тонкая пружина.

Лия машинально пересчитала их, как привыкла пересчитывать лоты на аукционе.

— Тридцать семь, — сказала она вслух.

Карманные часы под стеклом, которых она в счёт не включила, молчали, а остальные тикали, и ни одни не шли в такт другим. Стрелки напольных часов у двери показывали без четверти четыре, настенные рядом утверждали, что уже восемь вечера, а те, что стояли у окна, ползли против привычного хода и с каким-то упрямым достоинством.

— Просто заводились по-разному, — сказала она.

Собственному голосу она не поверила.

Лия пошла вдоль стены, ничего не касаясь. Старые вещи всегда немного лгут: прячут трещины под лаком, выдают новое за древнее, хвастаются родословной, которой у них нет. Она замечала это сразу и без усилий. Но эти часы не лгали вовсе, и в каждой детали, в каждой стрелке и шестерёнке чувствовалась такая подлинность, что у неё закололо в затылке.

В углу у лестницы стояли высокие часы в футляре из чёрного ореха, а вокруг их маятника поблёскивали медные лепестки, раскрытые, как цветок. Лия шагнула ближе и вдруг различила в хоре тиканья что-то другое: часы будто подстраивались под неё, и ход их то замирал, то вновь возобновлялся, тик... пауза... тик... пауза.

Она поняла, что это бьётся её собственное сердце.

— Нет, — прошептала она. — Это глупо.

Она отдернула руку, которую успела протянуть к футляру, сама того не заметив.

— Не трогайте их без ключа.

* * *

Голос раздался у неё за спиной, и Лия обернулась так резко, что едва удержала равновесие.

В дверях стоял мужчина, высокий, в тёмном плаще, с волос и плеч которого стекала дождевая вода, и держал он в руке пустую фарфоровую чашку. Он был не молод и не стар; лицо у него было резкое, с острыми скулами, глаза цвета крепкого чая смотрели устало и чуть насмешливо, а привычка хмуриться оставила между бровями две короткие складки. На такое лицо смотришь дольше, чем позволяют приличия.

— Вы кто? — спросила Лия.

— Тристан Роу, хозяин кофейни «Чёрный дрозд» через два дома отсюда. Ваша бабушка называла меня зловредным мистером Роу.

— О вас я не слышала.

— Значит, она вас пожалела.

Уголок его рта дрогнул: не улыбка, но очень на неё похоже.

— Что вам нужно?

— Соль, — ответил он, подняв чашку, как доказательство. — Агнес никогда не отказывала.

— Агнес умерла.

— Знаю.

Он произнёс это так ровно, что Лия осеклась. Сочувствия, которого она ждала и которого, пожалуй, не вынесла бы, в его голосе не было. Было нечто более тяжёлое и молчаливое, как груз, давно привычный плечам.

— Я знаю это лучше всех, мисс Верн.

Они помолчали. Часы продолжали тикать вразнобой, а где-то в глубине дома глухо отзвонила половина.

— Соль, — вздохнула Лия. — Если она здесь есть, я не знаю, где её искать. Я в этом доме всего пять минут.

— Я покажу.

Он прошёл через мастерскую так уверенно, будто знал её лучше хозяйки, а возможно, так оно и было, и толкнул низкую дверь в углу. Лия, не желая оставаться одна среди тридцати семи тикающих свидетелей, поспешила следом.

Кухня оказалась крохотной, с низким потолком, под которым висели пучки сушёной мяты и полыни, наполняя воздух сухим травяным запахом. На столе стояла чашка с засохшим чайным осадком, на подоконнике лежала стопка пожелтевших газет. Тристан открыл буфет и отступил, давая ей место. На полках рядами стояли одинаковые стеклянные банки без подписей.

— Соль слева, — сказал он.

Лия взяла первую слева, насыпала белого порошка в его пустую чашку и протянула ему.

— Вот.

Он попробовал на кончик пальца и невозмутимо поднял бровь.

— Это сахар.

— Вы сказали: слева!

— Я сказал, что соль слева. Вы не уточнили, от чего. — Он вернул ей чашку. — Впрочем, я мог и перепутать сам.

— Вы сделали это нарочно!

— Нет, — сказал он, помолчав. — Может быть.

На пороге он остановился, не оборачиваясь.

— И ещё одно, мисс Верн. Чего бы вам ни захотелось, не заводите часы, пока не прочтёте письмо.

— Какое письмо? — быстро спросила Лия. — Вы знаете о письме?

Он помедлил, всего на секунду, но она заметила.

— Знаю, что оно есть, — произнёс он. — Агнес просила передать его вам. Я оставил его утром на её рабочем столе. Что в нём, я не читал. Агнес всегда оставляла объяснения тем, кто не хотел слушать.

Колокольчик звякнул, и входная дверь закрылась за ним. Лия осталась посреди чужой кухни с банкой сахара в руках и с отчётливым чувством, что проиграла первый раунд игры, правил которой даже не знала.

* * *

Письмо она нашла через час: идти к столу по указке чужого человека ей не хотелось из упрямства.

За это время она успела распаковать чемодан и обойти второй этаж, где обнаружилась маленькая спальня с узкой кроватью и запахом лаванды. Окно выходило на круглую башню с заколоченными окнами, чёрную на фоне вечернего неба, и Лия, постояв немного у стекла, отошла прочь: башня показалась ей слишком внимательной.

Внизу, за рабочим столом, она села и впервые за день почувствовала себя на своём месте. Стол был дубовый, тяжёлый, весь в царапинах и пятнах масла, а в выдвижных ящиках лежали пинцеты, лупы и крошечные шестерёнки в стеклянных баночках, разложенные с той аккуратностью, какая бывает только у людей, привыкших работать руками.

А прямо посередине столешницы лежал конверт.

Кремовый, без марки, с одним-единственным словом, выведенным острым и до боли знакомым почерком:

Лия.

Рядом лежал кусочек янтаря, и внутри него застыла золотая капля, неподвижная, как закат, который не успели закончить.

Лия вскрыла конверт, злясь на себя за дрожащие пальцы. Первая строка была зачёркнута, но всё же читалась сквозь чернила:

«Прости, что не сказала раньше».

Ниже шло:

«Девочка моя. Если ты читаешь это, значит, я не успела объяснить. Слушай внимательно и не перебивай, ты никогда не умела. Эти часы не измеряют время».

Лия сглотнула.

«Они его хранят».

И в ту же секунду у неё за спиной раздался бой.

Раз. Два. Три.

Она не обернулась. Она считала, и дождь за окном считал вместе с ней.

Десять. Одиннадцать. Двенадцать.

А затем, в тишине, которой в этом доме быть не могло, ударило ещё раз.

Тринадцатый.

Глава вторая

В которой письмо оказывается длиннее, чем хотелось бы, а в кофейне вместо сахара подают правила

Лия обернулась только тогда, когда эхо тринадцатого удара окончательно растаяло под потолком.

Мастерская выглядела так же, как прежде: тот же жёлтый свет, те же тёмные балки, те же тридцать семь циферблатов, смотревших на неё со стен с выражением вежливого ожидания. Ни одни часы не молчали и ни одни не выдавали себя, и, как ни вглядывалась Лия, определить, какие из них только что нарушили все правила арифметики, она не смогла.

— Совпадение, — сказала она вслух, чтобы услышать, как это звучит. — Старый механизм, сбой в счётном колесе. Бывает.

Звучало неубедительно, но она кивнула самой себе и вернулась к письму.

«Эти часы не измеряют время. Они его хранят.»

Каждый человек за свою жизнь теряет множество минут: тех, что у него отняли обманом, страхом или горем, и тех, что он отдал сам, не зная цены. Обычно такие минуты рассыпаются бесследно, как зерно в ветреный день. Но порой одна из них застревает в вещи, в старой шкатулке, в зеркале, в обручальном кольце, и тогда человек, потерявший её, начинает понемногу исчезать. Сначала он забывает себя. Затем его забывают другие.

Мои часы собирают такие минуты и берегут, пока я не найду того, кому их вернуть. Я делала это сорок лет. Теперь это дело твоё, и я знаю, как ты сейчас хмуришься. Не торопись с выводами: дом объяснит лучше, чем я.

Три правила.

Первое. Заводи часы по порядку, как заводила я, и никогда не заводи медные, с красным ободком.

Второе. Не отдавай дом никому, кто будет слишком настойчиво просить его продать.

Третье. Тристан Роу знает больше, чем говорит, и меньше, чем думает. Он не враг. Но ответов даром он не даёт: он слишком давно привык платить за каждое слово.

Целую тебя, моя упрямая. Прости, что не приехала сама.

А.

P. S. Если красные часы пойдут вперёд, беги».

Лия дочитала и аккуратно положила лист на стол, выровняв его край по краю столешницы, как делала всегда, когда хотела выиграть время.

Она была практичным человеком. Она верила в бухгалтерские книги, в печати, в вес золота на чашах весов и в то, что чудес не бывает, а бывают плохо проверенные факты. И вот теперь покойная бабушка, женщина, которую она не видела двадцать лет, просила её поверить, что тридцать семь часов в старой мастерской кормятся чужими потерянными минутами, как голуби крошками.

«Ей было семьдесят с лишним, — подумала Лия. — Одиночество, тиканье, старость. Люди и не такое придумывают».

Объяснение было аккуратным и логичным, и Лия ухватила за него обеими руками. Остался один неудобный предмет, лежавший на столе рядом с письмом.

Кусочек янтаря.

Она взяла его двумя пальцами, как берут вещь, которой не доверяют. Камень оказался тёплым, теплее, чем следовало бы лежавшему на холодном столе, и золотая капля внутри него слегка дрогнула, будто от дыхания.

И Лия услышала смех.

Далёкий, тонкий, детский, смех девочки, которая бежит по траве и оглядывается на кого-то, кто её догоняет. Пахнуло нагретым летом, яблоками, скошенным сеном. Всё это длилось не дольше одного вздоха, но было таким ясным и настоящим, что у Лии перехватило горло, а на глаза навернулись слёзы, которых она не звала.

Она разжала пальцы. Янтарь стукнулся о дерево и покатился, и смех оборвался.

В мастерской снова было тихо, не считая тиканья.

— Нет, — сказала Лия очень отчётливо. — Нет, нет и нет.

Она встала, потушила лампу над столом, поднялась на второй этаж и легла, не раздеваясь, поверх покрывала. Потолок над ней был низким и тёмным, и она долго смотрела на него, сосчитала семьсот двенадцать царапин на балках и ни разу не поймала себя на том, что прислушивается к дому.

Почти ни разу.

* * *

Она проснулась в три часа ночи, и сначала не поняла, что её разбудило.

Дождь кончился. За окном стояла такая глубокая тишина, какая бывает только перед рассветом или после беды. Лия лежала, не шевелясь, и слушала, и поняла, чего не хватает.

Дом молчал.

Все часы, что ходили, замерли одновременно, так ровно, будто кто-то одним движением руки остановил их ход. Не было ни тиканья, ни скрипа пружин, ни тихого шелеста маятников. Было только её собственное дыхание, неожиданно громкое, и стук сердца в висках.

Лия села на кровати и повернулась к окну.

В густом ночном тумане, окутавшем улицу, у подножия круглой башни стоял всадник.

Он не двигался. Конь под ним был тёмный, крупный, и от его ноздрей поднимался в холодный воздух редкий пар. На всаднике был длинный плащ, тяжёлыми складками спадавший до стремян, и широкополая шляпа, надвинутая так низко, что лица разглядеть было нельзя. Он просто стоял и смотрел на её окно, и Лия, даже не видя его глаз, чувствовала этот взгляд кожей, как холод от открытой двери.

Она хотела вскрикнуть и не смогла.

Всадник медленно поднял руку и коснулся полей шляпы, будто приветствовал её. А когда рука опустилась, Лии на миг показалось, что над плечами у него нет ничего, кроме клочка тумана, чуть светлее остального.

Она моргнула.

Улица была пуста. Туман шевелился у подножия башни, и ни следа, ни звука копыт, ни дыхания коня.

И внизу, словно ничего не случилось, снова тихонько застучали часы.

Лия присидела у окна до рассвета и не заснула.

* * *

Утро выдалось ясное и холодное, и город, умытый дождём, выглядел вызывающе довольным собой.

Улица Серебряного Ключа при свете оказалась куда приветливее, чем ночью: блестели мокрые булыжники, из пекарни тянуло тёплым хлебом, у двери со стеклянной чайкой дворник сметал в канаву последние лужи. Круглая башня на холме была просто башней, с облупившейся штукатуркой, заколоченными окнами и воробьями на карнизе. Никаких всадников. Никаких следов.

«Недосып, — решила Лия. — Нервы. Поезд, дождь, нотариус, письмо. Любой на моём месте увидел бы что угодно».

Но вместо того чтобы разбирать мастерскую, как собиралась, она надела пальто, заперла дверь и пошла вниз по улице, к вывеске с чёрной птицей.

* * *

«Чёрный дрозд» оказался маленькой кофейней, такой уютной, что хотелось сразу простить ей всё.

Внутри было тепло и пахло так, что у Лии зануло под ложечкой: свежемолотым кофе, корицей, поджаренным хлебом и сливочным маслом. Низкий потолок с тёмными балками, стены, обшитые орехом, витрина с булочками, которые выглядели слишком красиво, чтобы их есть, и над всем этим десяток медных кофейников, сиявших на полках, как маленькие солнца. За окном стояли два столика, внутри ещё пять, и за одним из них пожилая дама в лиловом чепце кормила булочкой рыжего кота, который снисходительно позволял это делать.

За стойкой, в тёмном фартуке поверх рубашки с закатанными рукавами, стоял Тристан Роу и сосредоточенно растирал в ступке какие-то зёрна.

Он поднял голову, когда звякнул колокольчик, и на мгновение Лии показалось, что он ждал её.

— Мисс Верн, — сказал он. — Кофе?

— Мне нужны ответы.

— Тогда вам не ко мне. Я варю кофе.

— Вы прекрасно знаете, о чём я.

— Допустим. — Он отставил ступку и вытер руки полотенцем. — Но в «Чёрном дрозде» есть правило. Кофе стоит три пенса. Правда стоит дороже. Что желаете?

— Правду.

— Тогда присядьте и закажите кофе. Одно не продаётся без другого.

Лия хотела огрызнуться, но вдруг почувствовала, что смертельно устала, и опустилась на высокий табурет у стойки. Тристан молча повернулся к медной машине, зашипел паром, и через минуту перед ней появилась чашка, чёрная, густая, с тонкой золотистой пенкой. Лия сделала глоток, и ей захотелось заплакать от того, как это было хорошо.

— Я прочла письмо, — сказала она наконец.

— Я так и подумал.

— Вы знали, что в нём?

— Догадывался.

— И не сказали.

— Вы бы не поверили. — Он облокотился о стойку. — Люди никогда не верят, когда им говорят такое в лоб. Им нужно сначала услышать, как тикают часы.

Лия смотрела в чашку.

— Я взяла янтарь, — сказала она тихо. — И слышала смех. Девочки. Она бежала по траве, и пахло яблоками.

Тристан замер.

За всё время их краткого знакомства Лия ни разу не видела, чтобы он по-настоящему удивился, и теперь с некоторым злорадством смотрела, как с его лица сходит насмешливая маска. Он выпрямился, и в глазах его мелькнуло что-то, чему она не нашла названия, смесь недоверия, тревоги и, неожиданно, облегчения.

— Вы слышали минуту, — произнёс он медленно.

— Это значит что-то?

— Это значит, что вы можете.

— Что могу?

— Работать в этом доме. — Он говорил осторожно, как человек, проверяющий лёд. — Это редкость, мисс Верн. Агнес искала такого человека всю жизнь. Не каждый слышит. Большинство не слышит ничего, сколько ни прикладывай янтарь к уху.

— Я не собираюсь ничего «мочь», — отрезала Лия. — Я приехала вступить в наследство, продать эту рухлядь и уехать. У меня нет ни времени, ни желания возиться с чужими минутами.

— У вас нет ни дома, ни денег, ни работы, — мягко возразил Тристан. — И, если мои сведения верны, ни одного человека, который стал бы вас искать, если вы не вернётесь.

Это было сказано без злобы, просто как факт, и оттого удар получился точнее.

Лия поставила чашку на блюдце так резко, что кофе плеснул через край.

— Вы очень любезны, мистер Роу.

— Я честен. Это другое.

Она отвернулась, потому что глаза у неё предательски защипало, и стала смотреть в зал, лишь бы не на него. Старая дама в чепце тихо разговаривала с котом, дворник за окном докурив трубку, на полках блестели медные кофейники.

А на стене за стойкой, между двумя шкафчиками с банками, висела маленькая фотография в тёмной деревянной рамке.

Лия присмотрелась, и сердце её пропустило удар.

На снимке, чуть выцветшем и подёрнутом коричневой дымкой, стояла у дверей часовой мастерской молодая женщина лет тридцати. Прямая спина, острый подбородок, чуть насмешливый взгляд из-под тёмных бровей. Лия узнала бы этот взгляд из тысячи. Это была Агнес.

А рядом с ней, положив руку на спинку стула, стоял мужчина в тёмном плаще.

Резкие скулы. Усталые глаза. Две короткие складки между бровями и уголок рта, готовый дрогнуть в полуулыбке.

— Кто это? — спросила Лия, и голос её прозвучал чужим.

Тристан обернулся. Он проследил за её взглядом, и лицо его на секунду стало совершенно неподвижным.

— Мой отец.

— У вашего отца ваше лицо.

— Семейное сходство.

— Фотография старая. Агнес на ней лет тридцать, а ей было бы...

— Мисс Верн.

— ...сорок лет назад, не меньше. А ваш отец выглядит так, будто ему тридцать пять. Как вам сейчас.

— Это бывает, — сказал Тристан ровно. — У нас в семье хорошая кровь.

Он улыбнулся, и это была самая безупречная улыбка, какую только Лия видела в жизни.

Именно поэтому она ему не поверила.

За все годы работы она научилась почти безошибочно отличать правду от лжи, как другие различают горячее и холодное. И сейчас, в маленькой кофейне, пахнувшей корицей, она поняла две вещи сразу. Первое: он солгал, ровно и спокойно, как человек, у которого было много времени потренироваться. И второе, куда более странное. До этой секунды, за всё их знакомство, он не сказал ей ни одного лживого слова.

Это было почти облегчением. Значит, вся остальная его правда была настоящей.

— Ваш кофе остывает, — сказал Тристан.

Лия молча допила чашку до дна, положила на стойку три пенса и вышла, не прощаясь.

Колокольчик звякнул ей вслед. А на стене фотография молодой Агнес и человека с лицом Тристана Роу продолжала смотреть из тёмной рамки так, словно ждала, когда Лия задаст следующий вопрос.

Глава третья

В которой появляется господин, желающий купить дом, и подруга, которая забыла человека

К мастерской Лия вернулась злая, и злость эта была почти приятной: она придавала ногам твёрдость, а мыслям порядок.

«Пусть будет так, — думала она, отпирая дверь. — Пусть он лжёт про отца, про лицо, про всё на свете. Я оценщик. Я привыкла работать с ложью. Нужно просто выяснить, чего стоит этот дом, и дальше решать».

С этого она и начала. Достала из чемодана блокнот, заточила карандаш и принялась обходить мастерскую, записывая каждые часы по порядку: тип, механизм, время изготовления, состояние, примерная цена. Работа успокаивала. Пальцы знали, что делать, глаза знали, куда смотреть, а голова, наконец, перестала вспоминать смех, всадников и фотографии.

К полудню она записала одиннадцать позиций. Цифры выходили такие, что карандаш у неё дрогнул.

Одни только напольные часы у входа, работы старого мастера Альдена, стоили не меньше двух тысяч. Каминные с бронзовыми нимфами, подлинный период, редкая сохранность, ещё полторы. А часы в чёрном ореховом футляре с медными лепестками, те самые, что отзывались на её сердце, она не решилась даже оценить: таких вещей Лия не видела ни в одном каталоге.

«Если продавать всё по отдельности, — подсчитывала она, — можно закрыть долги и ещё останется на год жизни».

Колокольчик над дверью звякнул.

— Прошу прощения за вторжение. Дверь была не заперта.

* * *

Посетитель вошёл в мастерскую так, как входят в собственный кабинет: без спешки и без извинений в голосе, хотя слова извинения произнёс.

Он был высок и очень изящен, в длинном пальто цвета мокрого асфальта, с серебряными нитями в аккуратно зачёсанных волосах и тростью, на рукояти которой сверкал серебряный набалдашник в виде совиной головы. Лицо у него было приятное, умное, с тонкими чертами и лёгкими морщинками вокруг глаз, как у человека, который много и охотно улыбается. Серые перчатки он снимал палец за пальцем и при этом смотрел на часы, как смотрят на того, с кем пришли поговорить.

— Оберон Грей, — представился он, слегка склонив голову. — Коллекционер. Я знал вашу бабушку. Примите мои соболезнования, мисс Верн.

— Благодарю.

— Мы знакомы давно, и она оставила во мне глубокое впечатление. Редкая женщина. Таких теперь не делают.

Он говорил тёплым, мягким голосом, и в каждом слове чувствовалась искренность. Лия слушала его и вдруг поймала себя на странном ощущении. Всё в нём было настоящим: и голос, и улыбка, и скорбь по Агнес. Она не нашла ни одной фальшивой ноты. И всё же, как в идеально отполированном зеркале, оставалось неуловимое чувство, что смотришь на отражение, а не на предмет.

Это было ново. Обычно вещи лгали или не лгали. Этот человек, казалось, делал нечто третье.

— Вы пришли по делу, мистер Грей?

— Увы, да. — Он вздохнул с видом человека, которому неприятно говорить о деньгах. — Я слышал, что вы наследуете мастерскую. Не буду скрывать: я давно интересовался её кол-

лекцией. Агнес отказывалась даже говорить о продаже. Но теперь, когда обстоятельства изменились...

Он обвёл взглядом мастерскую, и Лия заметила, что глаза его на мгновение остановились на медных часах с красным ободком, висевших на дальней стене. Взгляд задержался на секунду дольше, чем следовало.

— Я готов предложить сорок тысяч за всё. Дом, механизмы, инструменты, документацию. Сразу, наличными, без торга.

Лия не удержалась от тихого вздоха. Сорок тысяч были втрое больше всего, что она насчитала за утро, и с лихвой закрывали её долги, оставляя средства, чтобы начать сначала. Она представила себе, как вернётся в столицу, снимет комнату с окном на липы, найдёт работу в маленькой честной галерее...

«Не отдавай дом никому, кто будет слишком настойчиво просить его продать».

Но он не был настойчив, подумала она. Он был вежлив и любезен. Он просто назвал цену. Цена, надо признать, была подозрительно щедрой.

— Я вынуждена подумать, мистер Грей.

— Разумеется. — Он улыбнулся. — Я не из тех, кто торопит. Но позвольте один небольшой совет от человека, который давно в этом деле.

Он подошёл ближе, и Лия уловила лёгкий запах, сухой и холодный, как запах старых книг в нетопленной библиотеке.

— Не всё в этом доме принадлежит вам, мисс Верн.

— Простите?

— Некоторые вещи принадлежат тем, кто их потерял. — Он говорил мягко, почти ласково. — Вы вправе распорядиться стенами и мебелью. Но то, что внутри часов, это не ваше. И когда придёт время, те, кому оно принадлежит, захотят его вернуть. Я лишь хочу уберечь вас от неприятностей.

— Это угроза?

— Помилуйте! — Он засмеялся, и смех у него был прекрасный. — Это дружеское предупреждение. Позвольте оставить вам визитную карточку.

Он положил на стол белый прямоугольник с серебряной каймой, надел перчатки и направился к двери. На пороге он обернулся, и взгляд его скользнул мимо Лии к медным часам с красным ободком. Он добавил так тихо, что она едва расслышала:

— Они всё ещё идут назад, не так ли?

Колокольчик звякнул. Дверь закрылась.

Лия смотрела на красные часы. Их стрелки действительно ползли против хода, как и вчера вечером, и, должно быть, все эти годы.

Она никому не говорила об этом. Ни одному человеку на свете.

* * *

К вечеру она почти убедила себя, что день прошёл нормально.

Нелл приехала в семь, с корзиной, из которой пахло так вкусно, что у Лии сжался желудок. Нелл Каррингтон, подруга со школьной скамьи, медсестра в городской больнице, обладала главным свойством настоящих друзей: появлялась в нужную минуту и делала вид, что это случайность. Рыжие кудри выбивались из-под шляпки, на щеках горел румянец, а в голосе звучала такая бесшабашная весёлость, что ею, казалось, можно было отапливать комнату.

— Лия Верн! — воскликнула она, бросив корзину на стол. — Я узнала от соседки твоей бабушки, что ты приехала, и три часа уговаривала главную сестру отпустить меня пораньше. Пришлось соврать, что у меня заболела тётя. Теперь придётся тётю всё-таки убить, иначе получится нечестно.

— Твоя тётя Мэри здорова, как лошадь.

— Тем проще. — Нелл обняла её так крепко, что у Лии хрустнули рёбра. — Господи, как же ты исхудала. Идём есть. Я принесла пирог с курицей, сыр, вино и три сорта горчицы, потому что не знала, какую ты любишь теперь.

Они сидели на кухне за столом, под пучками сушёной мяты, и пили красное вино из чайных чашек, потому что бокалов в доме не нашлось. Лия рассказывала. Про увольнение, про нотариуса, про дом. Про письмо рассказывать не стала: слова о минутах, которые хранятся в часах, застревали в горле, как рыба кость. Нелл слушала, подперев щеку рукой, и время от времени вставляла ехидные замечания, от которых Лия впервые за много дней смеялась.

— А тот сосед? Тристан Роу? Я его знаю, он варит лучший кофе в районе. Говорят, что у него есть какая-то тайна.

— У всех есть тайна.

— У него особенная. — Нелл понизила голос. — Моя тётя Мэри, та, которая настоящая, а не та, что умирает, говорит, что он тут жил, когда она была ещё девочкой. И выглядел так же.

— Нелл.

— Я просто передаю.

Лия налила себе ещё вина.

Они говорили обо всём подряд: о больнице, где Нелл работала, о противных пациентах, о красивых докторях, о дождливой погоде и дорогих шляпках. И вдруг Нелл замолчала на середине фразы. Улыбка с её лица стекла, как вода, и она поставила чашку на стол.

— Знаешь, — сказала она другим голосом, — со мной на днях случилась странная вещь. Не знаю, как об этом сказать, чтобы не прозвучало глупо.

— Говори.

— У нас на хирургическом отделении был врач. Доктор Мартин. Эдвард Мартин. Он работал семь лет, мы с ним дежурили в одну смену чуть ли не каждую неделю. Тихий, аккуратный, всегда пах мятными леденцами. — Она нахмурилась. — Неделью назад я пришла на смену и спросила, где доктор Мартин. И все посмотрели на меня как на больную.

— Что значит «посмотрели»?

— Никто не знал, о ком я говорю. Ни главный врач, ни сёстры, ни санитары. Я искала его имя в журнале дежурств, а там пусто, ни строчки. Пошла в архив, в карточки сотрудников, и там тоже ничего, словно такого человека никогда не существовало. — Нелл сжала пальцами край стола. — А у меня в кармане лежала его записка. Он оставил мне схему назначений для одного больного, его почерк, его подпись, я узнала бы её где угодно. Я смотрела на эту записку, Лия, и не могла вспомнить, как он выглядит. Помнила только, как пахнет. Мятой.

За окном стемнело окончательно. В печи что-то треснуло.

— Может быть, я схожу с ума, — тихо сказала Нелл. — Может, переутомилась.

Лия смотрела на подругу и слышала голос из письма, спокойный и острый.

«Сначала он забывает себя. Затем его забывают другие».

— Нет, — сказала она наконец. — Ты не сходишь с ума.

— Откуда ты знаешь?

Лия открыла рот, чтобы ответить, и закрыла снова.

— Просто знаю.

* * *

Нелл осталась ночевать. Они постелили ей в комнате наверху, на узкой кровати, а Лия устроилась на диванчике внизу, возле печки, укрывшись бабушкиным пледом, пахнувшим лавандой и воском.

Она долго не могла заснуть. Тиканье часов уже не казалось угрожающим, оно стало чем-то вроде шума моря, ровного и привычного. Лия лежала с открытыми глазами и смотрела на потолок, по которому плыли тени от пламени, и думала о том, что у неё впервые за много недель есть над головой крыша, а рядом живой человек, которому она нужна.

Она почти заснула.

Именно поэтому не сразу поняла, что услышала новый звук.

Тихий, мелкий, торопливый, будто кто-то стучал ногтем по стеклу. Тик-тик-тик-тик. Совсем не такой, как у остальных часов.

Лия приподнялась на локте.

В углу, в стеклянной витрине, лежали карманные часы, одиннадцать маленьких серебряных луковиц на бархатной подушке. Все они давно остановились, и ни разу за прошедшие дни Лия не слышала их ход.

Но одни, самые простые, в потёртом серебряном корпусе, сейчас тикали.

Она встала, подошла к витрине и открыла стеклянную крышку. Часы лежали на бархате, и секундная стрелка бежала по кругу так торопливо, словно её подгоняли. Лия взяла их в ладонь. Корпус был тёплым, как живое тело.

В полированной крышке отразилось её лицо, а над её плечом, на секунду, чьё-то ещё: худое, немолодое, в круглых очках, с растерянным, виноватым выражением, как у человека, которого позвали из другой комнаты, а он не может найти дверь.

И запах. Тонкий, едва уловимый, прохладный.

Мята.

Лия перевернула часы.

На задней крышке, мелкими, аккуратными буквами, было выгравировано:

Э. Мартин.

Глава четвёртая

В которой заключается договор без подписей, а ночная прогулка заканчивается у приоткрытой двери

Нелл ушла в шесть утра, наспех позавтракав холодным пирогом и поцеловав Лию в макушку, и дом сразу показался больше и тише, чем был.

Лия стояла посреди мастерской с серебряными часами в ладони. За ночь они не утихли ни на секунду: секундная стрелка бежала по кругу с упрямой, почти отчаянной скоростью, как бегут люди, которые знают, что опаздывают, но не помнят куда. Корпус оставался тёплым, а в воздухе, если закрыть глаза, держался тонкий мятный холодок.

Она не стала завтракать. Накинув пальто, она вышла на улицу, где утро только начинало разгораться: над крышами растекалась бледная розовая полоса, фонарщик гасил последние газовые рожки, а булыжник был подёрнут тонкой плёнкой инея, хрупкой, как сахарная глазурь. В окнах «Чёрного дрозда» уже горел свет.

Дверь была не заперта.

* * *

Тристан сидел за дальним столиком в пустой кофейне, без фартука, в одной рубашке с расстёгнутым воротом, и смотрел на остывшую чашку так, словно в ней содержался ответ на вопрос, который он боялся задать. Перед ним лежала раскрытая книга, но страницы, судя по всему, не переворачивались уже давно.

Он поднял голову, увидел Лию и впервые за всё время показался ей не загадочным и не насмешливым: просто очень усталым человеком, который не спал всю ночь.

— Вы тоже слышали, — сказал он, и это не был вопрос.

— Что слышала?

— Как затикали часы.

Лия кивнула и молча положила серебряные часы на стол между ними.

Тристан взглянул на них, и лицо его изменилось. Он не прикоснулся к часам, лишь долго смотрел, как бежит секундная стрелка, и Лия заметила, как побелели у него костяшки пальцев, лежавших на краю столешницы.

— Откуда они?

— Из витрины в мастерской. Они лежали там вместе с остальными, мёртвые, а сегодня ночью пошли сами. — Она помедлила. — На крышке выгравировано «Э. Мартин». Это имя человека, которого забыла моя подруга Нелл. Врача. Её коллеги по больнице. Никто, кроме неё, не помнит, что он вообще существовал, и она сама не помнит его лица.

Тристан медленно выдохнул.

— Эдвард Мартин, — произнёс он, будто пробуя имя на вкус. — Хирург. Худой, в очках. Всегда носил в кармане мятные леденцы.

— Вы его знаете?

— Я знал его. — Он поправился тихо, но отчётливо. — Он заходил сюда по пятницам, пил чёрный кофе без сахара и читал газету от первой страницы до последней. Я помню, как он выглядел. Это моя особенность: я помню всех.

— Всех?

— Всех, кого забыл мир.

Он сказал это так просто, что Лия не сразу поняла смысл. А когда поняла, ей стало холодно.

— Садитесь, мисс Верн. Я расскажу вам всё, что смогу. Но сначала нам придётся договориться.

* * *

— Условия, — произнесла Лия, садясь напротив и придвигая к себе чистую салфетку из стопки на столе. — Я привыкла начинать с условий.

— Я так и думал.

— Пункт первый. Вы отвечаете на мои вопросы. Не часть, не половину, не «в своё время». Прямо.

— Ответы стоят дорого.

— Тогда обмен. Вопрос на вопрос. Вы спрашиваете меня о чём хотите, я отвечаю честно. Я вас, вы меня. Так будет справедливо.

Тристан посмотрел на неё долгим взглядом, в котором впервые мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Согласен.

Лия взяла карандаш и написала на салфетке: «1. Вопрос за вопрос. Честно».

— Пункт второй. Вы не лжёте. Вчера вы солгали про фотографию, и я это заметила. Я вижу ложь, мистер Роу, это моё ремесло. Если нельзя ответить, скажите «не отвечаю». Но не лгите.

— Это тоже можно, — сказал он после паузы. — Хотя «не отвечаю» будет звучать чаще, чем вам хотелось бы.

— Переживу. Пункт третий. — Лия подняла глаза. — Я не обещаю оставаться. Этот дом стоит денег, у меня их нет, и я не собираюсь жить среди часов, которые считают мои удары сердца. Если через месяц я решу продать, вы не станете мешать.

Тристан молчал дольше, чем она ожидала. За окном глухо и неторопливо пробили колокола церкви на другом берегу, и звук разнёсся по улице, как круги по воде.

— Я не стану мешать, — сказал он наконец. — Но я не обещаю, что вы захотите продавать.

— Это уже ваша забота.

Она дописала третий пункт и протянула салфетку через стол. Тристан взял её, внимательно перечитал и, вместо подписи, поставил в углу круглый отпечаток: он обмакнул дно своей чашки в остатки кофе и прижал его к бумаге, оставив бледно-коричневое кольцо, похожее на печать.

— В «Чёрном дрозде» так подписывают договоры, — пояснил он. — Кофейная печать. Нарушить её считается дурным тоном.

— Дурным тоном?

— У нас в районе это страшнее суда.

Он почти улыбнулся, и Лия, к собственной досаде, почти улыбнулась в ответ.

* * *

— Первый вопрос ваш, — сказал Тристан.

— Что вы такое?

Он помедлил.

— Я Сборщик. — Он произнёс слово спокойно, как называют ремесло. — Моя работа состоит в том, чтобы находить потерянные минуты и приносить их в дом на улице Серебряного Ключа, туда, где они будут в безопасности. Агнес была Хранительницей: она берегла собранное, а когда являлся владелец, возвращала. Мы работали вместе сорок лет.

— А до неё?

— Это второй вопрос.

— Это уточнение.

— Хорошо. — Он слегка наклонил голову. — До неё была другая Хранительница. И до неё тоже. Дом старше, чем кажется, мисс Верн. Мастерская основана в тысяча восемьсот шестьдесят первом, но дело существовало задолго до вывески.

— Сколько вам лет?

Это вырвалось у Лии само.

Тристан посмотрел на неё долго и непроницаемо, и она подумала, что сейчас он скажет «не отвечу». Но он сказал:

— Достаточно, чтобы видеть, как падают и поднимаются города. Мой вопрос.

Лия кивнула.

— Что вы почувствовали, когда держали янтарь?

— Я слышала смех. Девочка бежала по траве. И запах яблок. — Она замялась. — Мне стало так хорошо, что захотелось плакать.

— Вы поплакали?

— Это второй вопрос.

— Это уточнение, — повторил он её же словами, и на этот раз улыбнулся по-настоящему.

— Нет. Не поплакала. Бросила камень и убежала вверх.

— Разумно, — сказал Тристан. — В первый раз почти все бросают.

Он стал серьёзным и подвинул к ней серебряные часы.

— Теперь о Мартине. Я должен рассказать вам то, чего Агнес вам не написала, потому что не знала. Или знала, но не успела.

— Что?

— Раньше минуты терялись понемногу. Одна здесь, одна там, как мелочь, выпавшая из кармана. Кто-то терял в ссоре, кто-то в испуге, кто-то в горе. Я собирал их, Агнес берегла. Мы справлялись вдвоём. — Он провёл ладонью по лицу. — Но последние полгода всё изменилось. Люди пропадают целиком. За последние полтора месяца в Эверли исчезло пятеро, и не из-за потерянной минуты. Их забрали. Кто-то ворует минуты намеренно, жадно, целыми горстями, и делает это так быстро и умело, что я не успеваю ни выследить, ни собрать.

— Зачем?

— Не знаю.

— Это правда?

— Это самая честная правда, какая у меня есть. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Я не знаю, кто это делает и зачем. Но Мартин был шестым. И единственным, чью вещь я смог найти. Она лежала в вашей витрине. Серебряные часы пришли сами, словно знали дорогу.

— Откуда они взялись?

— Агнес выкупила их у ломбардщика с Рыбной биржи примерно за месяц до смерти. — Тристан наклонил голову, припоминая. — Тогда я не придавал значения. Теперь думаю, что она уже чувствовала. Завести их, как заводят хранимые минуты, она не успела: к тому времени она почти не вставала. Вещь, которая просто лежит в доме, ещё ничего не защищает.

Лия взяла часы в руку. Они дрожали, как живое существо, и стрелка бежала всё быстрее.

— Они хотят куда-то, — сказала она.

— Они хотят домой, — ответил Тристан. — Но вещь всегда тянет к месту, где её в последний раз выпустили из рук. Это единственное правило, в котором я уверен. Если мы пойдём за часами, то узнаем, откуда они пришли.

Лия понимала, что разумнее всего сейчас было бы собрать чемодан и вернуться в столицу. Три месяца она только отступала: из зала аукциона, из квартиры, из собственной жизни. Но впервые за это время перед ней оказалось дело, в котором её умение отличать настоящее от подделки оказалось необходимостью, а не провинностью, и в котором за каждой вещью стоял живой человек, которого некому было искать. А ещё была Нелл, помнившая только мятный запах.

— Хорошо, — сказала она. — Идём. Но это мой выбор, мистер Роу, а не ваша просьба.

— Я бы и не посмел просить.

* * *

Они вышли на улицу уже затемно.

День прошёл в хлопотах и спорах: Тристан вытащил из подвала связку старых карт города, Лия, не веря в происходящее, разложила их на рабочем столе, и они вдвоём, склонившись над ними, долго искали на плане улицу, которая подошла бы «куда-то». К вечеру часы начали подёргиваться в её руке в одну сторону, словно стрелка компаса, и Тристан кивнул: «На восток, к реке».

Эверли ночью оказался совсем другим городом, чем днём. Исчезла суета, исчезли крики газетчиков и стук колёс, а на опустевших улицах поселилась тишина, тонкая, как стекло. Газовые фонари горели бледно-жёлтым светом, окружённым мокрыми ореолами. В арках спали собаки. С верфи доносился размеренный скрип лебёдок, а над серой водой Серены поднимался туман и стелился между мостами, превращая город в какой-то призрачный, плывущий сон.

Тристан шёл рядом, засунув руки в карманы плаща, и молчал. Лия, привыкнув к его молчанию, больше не чувствовала в нём угрозы. Она даже поймала себя на мысли, что с ним спокойно идти по тёмным улицам, хотя ещё два дня назад она никогда бы не поверила в такое.

— Ваш вопрос, — сказал он, когда они спускались по длинной каменной лестнице к набережной.

— Почему вы согласились присматривать за мной?

Он помолчал.

— Агнес попросила.

— Это не ответ.

— Это половина ответа.

— Мы договаривались, что вы не лжёте и не прячетесь за половинами.

— Я не лгу. — Он остановился на ступеньке и посмотрел вниз, на реку. — Я просто не готов отдать вам вторую половину. Пока.

— Значит, «не отвечу».

— Значит, «не отвечу».

Лия хотела возмутиться, но промолчала. Что-то в его голосе подсказало ей, что вторая половина стоит дороже всех остальных, и что бережёт он её из страха, а вовсе не из упрямства.

* * *

Рыбная биржа оказалась огромным каменным рынком под навесом, который днём гудел от криков торговцев, а ночью стоял тёмный и гулкий, как пустой собор. В воздухе держался запах рыбы, соли и сырых досок. Между рядами прилавков бродили кошки с таким видом, будто это их территория, а люди здесь были случайными гостями.

Часы в руке Лии бились так сильно, что она чувствовала их биение ладонью, как пульс.

— Сюда, — прошептала она.

Они прошли вдоль крайнего ряда и свернули в узкий боковой проулок, где между двумя складами притаилась низенькая лавка с вывеской, на которой выцветшими золотыми буквами значилось: **«Ломбард господина Клема. Ссуды под залог».**

В окне, затянутом решёткой, лежали кольца, часы, серебряные ложки, чьи-то обручальные браслеты, и каждая вещь смотрела на улицу с одинаковым выражением вежливой покинутости.

Часы в руке Лии вдруг стихли.

Секундная стрелка остановилась, и наступила тишина, от которой у неё мороз пробежал по коже.

— Пришли, — сказал Тристан.

Лия подняла голову. И увидела, что дверь ломбарда приоткрыта на ширину ладони, а из щели сочится тусклый жёлтый свет.

— Он же закрыт, — сказала она.

— Нет, — ответил Тристан, и в голосе его не осталось ни капли насмешки. — Нас опередили.

Он положил ладонь на дверь и толкнул её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.